

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.19>

Терентьева Татьяна Александровна

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Статья раскрывает содержание понятия "феноменологическая психология", которое, являясь идеей Гуссерля, получило широкое распространение как среди философов экзистенциального и герменевтического направления, так и среди психологов. Основное внимание в работе сосредоточено на рассмотрении различных уровней системы феноменологической психологии, а также на проблеме различных истолкований понятия "феноменологическая психология" самим Гуссерлем на протяжении всего периода его творчества. Автор указывает, что сложность определения данного понятия связана с близостью феноменологической психологии трансцендентальной феноменологии, а также с тяготением самого Гуссерля к трансцендентализму.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/1/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(87) С. 88-93. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.8

Дата поступления рукописи: 18.12.2017

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.19>

Статья раскрывает содержание понятия «феноменологическая психология», которое, являясь идеей Гуссерля, получило широкое распространение как среди философов экзистенциального и герменевтического направления, так и среди психологов. Основное внимание в работе сосредоточено на рассмотрении различных уровней системы феноменологической психологии, а также на проблеме различных толкований понятия «феноменологическая психология» самим Гуссерлем на протяжении всего периода его творчества. Автор указывает, что сложность определения данного понятия связана с близостью феноменологической психологии трансцендентальной феноменологии, а также с тяготением самого Гуссерля к трансцендентализму.

Ключевые слова и фразы: феноменологическая психология; эйдетическая психология; трансцендентальная феноменология; эйдетическая редукция; трансцендентальная редукция; интенциональные переживания; гилетические данные; абсолютная субъективность.

Терентьева Татьяна Александровна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Ariadna_tatyana@mail.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

К постановке проблемы возникновения феноменологической психологии

Создание феноменологической психологии является идеей Э. Гуссерля. Однако этот проект возник не на пустом месте и имеет предшественников. Следует отметить, что психологическая тема как таковая возникла в связи с акцентированием внимания на теме субъективности как центра познавательной деятельности. И это являлось основной чертой еще Нового времени. Именно с XVII века разворачивается линия рассуждений, связывающая теоретико-познавательную тему и тему субъективности. Но психология как наука появляется позднее. Однако, открытие Декартом трансцендентальной субъективности, напротив, усложнило путь становления психологии и привело к различиям в трактовках психологии как науки. Это было обусловлено не только тем, что имеется некая трансцендентальная субъективность, которая каким-то образом должна быть причастна психологии, но и общей онтологической позицией Декарта, согласно которой имеется два рода самостоятельных начал – *res extensa* и *res cogitans*, – образующих дуализм мира. Поочередное отстаивание приоритета одного из начал как раз и привело к различным трактовкам психологической науки. Сначала появилась экспериментальная (натуралистическая) психология, и за ней как момент несогласия – дескриптивная психология. Можно предположить, что открытие трансцендентальной субъективности, с одной стороны, задавало новый путь не только развитию философии, но и определению психологии как науки о субъективном и душевном, однако, с другой стороны, предопределило споры по поводу научной тематизации субъективного и душевного и по поводу методологии исследования данной области.

Здесь обнаруживаются еще два существенных момента, относящихся к специфике психологии как науки. Во-первых, это тесная связь психологии с трансцендентальной философией, во-вторых, это проблема понимания сущности науки как таковой. Поскольку начиная с XVII века наука понималась как познавательная деятельность, направленная на исследование объектов в мире и использующая методы наблюдения, эксперимента и объяснения, то психологическая наука, по всей видимости, также должна была иметь определенную область исследования соответствующего объекта в мире. И этот объект (а именно – душевный объект) можно было бы раскрыть с помощью экспериментальных методов и объяснительных процедур. Однако мы замечаем, что в результате такого понимания психологической науки и использования названных методов «душа» как главный объект исследования не становится для нас понятной и изученной, напротив, она оказывается чрезвычайно редуцированной. О душе тогда приходится говорить весьма условно, как о вершине айсберга, т.е. о той части, которая сама себя позволяет исследовать, но скрывает свое сущностное. Поэтому неслучайным представляется тесная связь души как предмета психологической науки и трансцендентальной субъективности как предмета трансцендентальной философии. И этот момент требует особого прояснения.

На фоне представленных выше споров психология как наука становится одной из ведущих тем для исследований на рубеже XIX-XX веков как среди философов, так и среди психологов различных направлений, от Вундта до Brentano. Можно выделить несколько линий дискуссий. Первая линия сводилась к определению метода психологической науки и к выявлению специфики ее предмета. Ссылаясь на Р. Громова [2], укажем следующие предпосылки данной дискуссии. Во-первых, это акцентирование внимания на исследовании непосредственных данных, как-то ощущения, эмоционально-волевые переживания, которые оставались за пределами теоретических конструктов или, вернее, использовались только в качестве «рабочего материала». Как указывал Э. Мах [10], в целях экономии мышления необходимо было отказаться от объяснительной части науки и сосредоточиться на описании ощущений, поскольку именно ощущения составляют фундамент всей науки. Данные высказывания, на наш взгляд, были спровоцированы господствовавшей в последней трети XIX века позицией ряда ученых об инструментальном характере теоретического познания, что привело к релятивизации теоретико-объяснительной науки. Поэтому популярным становится метод дескрипции, а это, в свою очередь, приводит

к появлению дескриптивной психологии. Во-вторых, утверждение дескриптивного метода исследования было реакцией на попытку каузального объяснения феноменальной сферы. Представители дескриптивного направления настаивали на том, что имеется особое поле исследования, которое не поддается каузальному объяснению, а значит, каузальная модель имеет границы. Все непосредственно данное, начиная с ощущений и заканчивая волевыми переживаниями, каузально не объясняется. Поэтому ведущим методом для исследования данных феноменов должна быть дескрипция. В результате складываются следующие направления психологии относительно методологической базы: это экспериментальная психология и дескриптивная психология.

Вторая линия дискуссий, на наш взгляд, связана с определением отношений психологии и философии. Как указывает Ю. Орлова [12, с. 125], данная дискуссия была также представлена двумя позициями. Первая позиция сводилась к тому, что психология является одной из объективных наук. Но в силу специфики исследуемого предмета ей приходится использовать интроспективное наблюдение, что сближает ее с философским самонаблюдением. Но тем не менее наука и философия являются самостоятельными видами познания. Вторая позиция представлена в неокантианстве, в частности П. Наторпом, который определяет психологию как «субъективирующую» науку о конкретном и индивидуальном [11, с. 36]. Но такая наука оказывается возможной только после трансцендентальной философии, которая является, по мнению Наторпа, всеобщей объективацией всех наук. Данная мысль Наторпа представляется важной для развертывания в дальнейшем Гуссерлем исследования взаимосвязи феноменологической психологии и трансцендентальной феноменологии. Правда, Гуссерль предлагает инверсию наторповской модели. Он утверждает, что основанием для раскрытия психологии является трансцендентальная феноменология, но не как объективирующий результат всех наук, а напротив, как исток объективирующей субъективности как таковой.

Система феноменологической психологии

Можно предположить, что Гуссерль сам в рамках своего проекта феноменологической психологии предлагает для рассмотрения различные направления, или уровни, психологии. На это указывает Х. Дрюе в книге «Система феноменологической психологии Эдмунда Гуссерля» [17]. Однако представлены эти уровни в феноменологии Гуссерля разрозненно, что создает впечатление отсутствия системы феноменологической психологии.

Какие же уровни феноменологической психологии находит Х. Дрюе у Гуссерля? Во-первых, в Идеях I и II Гуссерль рассуждает о психологии как конкретной психофизической науке, т.е. науке о фактах. Но не следует забывать, что, поскольку мы находимся в рамках феноменологической психологии, основным методом которой является метод дескрипции, то такая психофизическая наука противостоит экспериментальной психологии. Во-вторых, Х. Дрюе выделяет чистую конкретную психологию, которая направлена на исследование конкретных психических переживаний. В-третьих, особое внимание уделяется утверждению Гуссерлем так называемой эйдетической или априорной психологии, что является центральным местом всей феноменологической психологии. В ряде мест эйдетическая психология отождествляется с феноменологической психологией. Подробные анализы мы можем встретить в «Амстердамских докладах». Но в поздний период творчества Гуссерля, в «Кризисе...», помимо эйдетического уровня эксплицируется уже четвертый – трансцендентальный уровень, – что задает тему трансцендентальной психологии и сближения ее с трансцендентальной философией.

Психофизическая психология

Первый уровень феноменологической психологии – психофизическая психология – представлен в основном в Идеях II. Но еще в Идеях I Гуссерль определяет психологию как науку, принципиально отличную от феноменологии. Здесь надо отметить, что в период Идей Гуссерль понимает психологию как науку о фактах, как науку о реальностях, существующих в пространственно-временном мире. И эти реальные факты являются сопринадлежащими реальным субъектам [5, с. 20-21]. Именно эта сопринадлежность фактического телесного субъективному психическому подробно анализируется в Идеях II. Так, в § 14 Идей II [18, S. 32-33] он говорит о «живых реальностях», о «воодушевленных телах», которые представляют собой многослойные, фундированные реальности. Все нематериальные реальности (в том числе и психические-душевные реальности) имеют нижний материальный уровень, который называется телом. Сопринадлежность нематериальных уровней и материального делает такие реальности конкретными целостностями, а также позволяет им быть пространственно локализованными и протяженными. Но наличие душевных качеств (а в некоторых реальностях и духовных качеств) принципиально отличает такую реальность от физической вещи. В § 18 [17, S. 55-58] Гуссерль рассуждает о необходимости тела для психических реальностей как органа восприятия. Во-первых, тело при восприятии превращается «в носителя нулевой точки ориентации», из которой психический субъект постигает пространство. С помощью телесных органов (рук, ног, глаз, ушей) психический субъект адаптируется в пространстве, а также мотивируется через эти телесные органы. Во-вторых, опыт психического субъекта необходимо конституируется через кинестетические ряды ощущений, которые, в свою очередь, мотивируют постижение психического субъекта. И здесь мы можем говорить о целой системе кинестетических ощущений с необходимостью мотивирующих познающего психического субъекта. Кроме того, если физическое тело оказывается повреждено, то изменению подвергаются и психические процессы. Поэтому здесь можно говорить о психофизической обусловленности, где нижний слой в качестве пространственной формы оказывается носителем смысловых вещей (Sinnendinge), конституирующихся субъективным способом ориентации [Ibidem, S. 65-75]. Весьма примечательно, что к рассуждениям о воодушевленных телах и психофизических обусловленностях Гуссерль обращается также в «Кризисе...», когда эйдетическая психология уже преобразуется в трансцендентальную. В этом произведении функционирование живых реальностей будет объясняться трансцендентальной функцией, которая заключена в пред-данности мира трансцендентальной субъективности [7, с. 292].

Чистая конкретная психология

Что касается второго уровня психологии – чистой конкретной психологии, которую выделяет Х. Дрюе, то здесь возникают некоторые эквивокации в понимании. Исследования конкретных переживаний базируются на результатах эйдетической психологии [14, с. 156], которая по Дрюе относится к третьему уровню. Поэтому, на наш взгляд, экспликация конкретных фактических переживаний является методом, с помощью которого подтверждается эйдетика переживаний. А значит, второй уровень психологии по Дрюе не отображает целостную систему феноменологической психологии Гуссерля. Как указывает Гуссерль, каждое фактическое переживание относится к определенному типу переживаний, и на основе этого мы можем говорить об эйдетической типологии переживаний. Но в рамках эйдетики мы выделяем многообразие различий, как то «интенциональный акт», «интенциональный предмет», «неинтенциональные переживания» и т.д. Каждая эйдетическая типика проявляется в многообразной конкретике, что указывает на необходимые корреляции между эйдетическим и фактическим. И здесь фактическое служит подтверждением эйдетическому, а эйдетическое определяет необходимую закономерность развертывания каждой конкретной фактичности. Кроме того, интерес к фактическим переживаниям в феноменологии Гуссерля, по мнению Ш. Тагуччи [22, S. 52-53] – современного японского феноменолога, – вызван обращением Гуссерля к чистому Я. И здесь необходимость очевидности фактических переживаний задается необходимостью очевидности чистого Я. И это опять же указывает на методологический характер исследования фактических переживаний.

Однако можно предположить, что обращение к конкретной феноменологической психологии связано с тем, что эйдетическая феноменология не получила широкого резонанса в самой психологии [13, с. 28]. В силу сложности языка и в дальнейшем в результате тяготения Гуссерля к трансцендентализму феноменологические идеи Гуссерля не были восприняты в полной мере. Но термин «феноменологическая психология» закрепился как нечто противостоящее экспериментальной психологии, хотя понимать под этим стали конкретную дескриптивную психологию, имеющую предметом исследование конкретных переживаний.

Эйдетическая психология

Эйдетическая психология, которую выше мы обозначили как центральную во всей системе феноменологической психологии, представляет собой априорную и чистую психологию. Для Гуссерля идея создания чистой психологии являлась исключительно важной, так как, по его мнению, это позволяло решать три задачи: во-первых, это обосновывало необходимость реформы в психологии, во-вторых, подводило к определению основ наук о духе, и, в-третьих, подготавливало переход к трансцендентальной феноменологии как абсолютной науке о духе [21, S. 5]. По всей видимости, изначально среди философов и психологов возникали различные истолкования предмета и метода чистой психологии. Первое истолкование касалось смешения собственно психологической области и философской. В целях прояснения этой проблемы Гуссерль называет чистую психологию «нефилософской феноменологией», которая изучает психическое, являющееся частью мира в естественной установке. Для перехода же к трансцендентальной феноменологии необходимо сменить установку с естественной на трансцендентальную.

В целях прояснения второго истолкования Гуссерль указывает на принципиальный момент «чистоты» данной науки, которая ориентирована на исследование сущности психического. Он говорит, что недостаточно описывать свой конкретный внутренний опыт, но следует с помощью метода идеации подходить к сущностным формам всего психического [3, с. 304]. И вот здесь важным оказывается открытое еще Brentano свойство интенциональности сознания. Интенциональность как «направленность сознания на...» обнаруживает в себе устойчивые априорные структуры, как то «интенциональные акты» (восприятие, воспоминание, фантазия и др.) и «интенциональные предметы» (воспринятое, представленное, вспомненное, помысленное и т.д.). В феноменологии Гуссерля они получают названия соответственно «ноэза» и «ноэма». Именно на исследование ноэтико-ноэматической структуры и направлена чистая априорная психология. Следует отметить, что обнаружение внутри интенциональности целого ряда различий является особой заслугой Гуссерля. Ни Brentano, ни Дильтей – как непосредственные предшественники Гуссерля – не выделяли ноэтической и ноэматической сторон.

Что касается архитектуры чистого сознания, то здесь Гуссерль отдает приоритет исследованию ноэтических актов, которые подразделяются на интеллективные, эмоциональные и волевые акты. Каждый вид акта руководствуется определенными принципами разума. А значит, мы можем говорить о так называемой феноменологической теории разума, которая является ноэтической рациональной психологией [21, S. 7]. Феноменологическая теория разума как рациональная психология входит в структуру чистой психологии как одна из составных ее частей. В дальнейшем, рассматривая онтологические проблемы, обусловленные теорией разума, мы приходим к установлению формальной логики, формальной аксиологии и формальной практики как нормативных онтологий [5, с. 454]. Можно сказать, что Гуссерль стремится продолжить исследования Канта по рациональной психологии, которые требуют проникновения в субъективную дедукцию (от чего Кант собственно отказался).

Кроме активных, объективирующих интенций Гуссерль также говорит о пассивных рецептивных интенциях. Рецептивность играет важную роль во всей структуре сознания. Сюда мы можем отнести все феномены горизонтального сознания, задающие направленность объективирующим интенциям. Поэтому все пассивные интенции, можно сказать, играют роль тенденций и составляют нижний уровень, с которого начинается все интенциональное конституирование. Также для приведения к чистоте интенциональных моментов, как ноэтических, так и ноэматических, используется метод эйдетических вариаций, что позволяет обнаружить инвариант, т.е. сущностную часть, всех интенциональных моментов.

Исходя из выше рассмотренного, все исследование структуры чистого сознания можно представить в виде трех частей. На это указывает Ульрих Мелле в своей статье «“Исследование структуры сознания”»: введение

Гуссерля в феноменологическую психологию» [21]. Первая часть носит название «Активность и пассивность», предметом которой является исследование всей фундаментальной структуры интенциональных актов вообще. Вторая часть называется «Конституирование мира, душа и воля». Здесь внимание исследователя должно быть сосредоточено на исследовании и описании специфики эмоциональных и волевых актов. Третья часть носит название «Модальность и тенденция», и она состоит из двух гетерогенных разделов. Первый раздел имеет предметом изучение модусов позициональности и сознания возможности. Сюда входит анализ смены установок, а также исследование различий естественной и трансцендентальной установок, с одной стороны, и исследование различий позициональной и нейтральной установок, с другой стороны. Вторым разделом ориентирован на исследование тенденций, инстинктов и различных пассивных интенций.

Следующий момент касается прояснения методической стороны эйдетической психологии. В «Амстердамских докладах» Гуссерль говорит о необходимости основать априорную науку [3, с. 316]. Но к этой науке можно прийти с помощью соответствующих методов. Во-первых, такая наука требует рефлексивного прояснения и аподиктического усмотрения, а также использования метода эйдетической редукции. Именно благодаря методу эйдетической редукции мы приходим к «чистоте» исследуемых феноменов, дистанцируясь методически от психофизической стороны и интересубъективности, которые также относятся к сфере феноменологической психологии.

Трансцендентальная психология

Не следует смешивать эйдетическую и трансцендентальную редукции. Последняя выводит нас за пределы мирского и заставляет занять трансцендентальную позицию. Поэтому трансцендентальная редукция является следующим за эйдетической редукцией методическим шагом и символизирует переход к трансцендентальной феноменологии.

Однако, используя метод редукции, мы замечаем, что границы между психологией и феноменологией размываются. Это проявляется в том, что психология оказывается принципиально отличной от других наук, а значит, и методы исследования должны быть принципиально другие. Гуссерль говорит, что психические феномены можно познать только рефлексивным путем, и также необходимо применять феноменологическую редукцию, которая «выключает» значимости объективного мира [7, с. 323, 326-327]. Только используя метод редукции, можно сосредоточиться на интенциональной структуре сознания [5, с. 149, 171-172]. Но это говорит о том, что интенциональные переживания не являются «вещами», а являются феноменами сознания. Кроме того, феномены сознания с выключенными бытийными значимостями являются не только имманентными переживаниями, но и трансцендентными, т.е. такими, которые в своей функции «наделения смыслом» выходят за рамки самого сознания. А значит, сознание по своей сути является трансцендентальным сознанием [Там же, с. 116]. Поэтому говорить, что психология является наукой о «реальностях», можно весьма условно.

Этого придерживается и Изо Керн [20, S. 213-218]. Размышляя о пути, направленном на раскрытие интенциональной психологии с помощью редукции, он указывает на три существенных момента этого пути. Во-первых, данный путь создает конфронтацию между науками. Если нас интересует чисто физическое, то мы должны абстрагироваться от психического. Если же наш интерес направлен на раскрытие чисто психического, то мы должны абстрагироваться от физического. Данный признак метода указывает на то, что раскрытие чистого интенционального есть только первый методический шаг, который не демонстрирует перед нами целостный феномен психического, но лишь предуготовляет его. Во-вторых, абстрагирование от физического происходит совершенно иначе. Если мы хотим сосредоточиться на чисто физическом, то мы находимся в естественной установке и воспринимаем только простые физические тела. Иначе – с чистым психическим. Для его раскрытия мы не можем уже оставаться в естественной установке и должны занять позицию незаинтересованного наблюдателя. А это уже приближает нас к трансцендентальному. В-третьих, редуцирование отдельных переживаний не приводит к чистому психическому, так как анализ горизонтного сознания указывает, что каждое переживание неразрывно коррелирует с миром и имеет значимость через мир. Значит, для приведения к «чистоте» психического необходимо осуществлять универсальную редукцию, которая подводит нас уже к трансцендентальной психологии. Здесь Изо Керн задается вопросом: возможна ли эйдетическая редукция как момент абстрагирования, или все же следует проводить сразу трансцендентальную редукцию, которая имеет несколько иной смысл. При проведении трансцендентальной редукции корреляционные связи между *ego*, миром и интересубъективностью не исчезают, но меняется поворот взгляда. Интенциональные переживания в трансцендентальной установке раскрывают свою трансцендентальную природу как момент означивания и наделения смыслом всего, что относится и не относится к моему собственному потоку переживаний. Но о различии между «моим» и «другим» потоками сознания в трансцендентальном поле можно говорить только условно. Поэтому «чистая» психология растворяется в трансцендентальной психологии. И тогда «чистота», т.е. эйдетическое, будет являться тем, что образуется в результате самообъективации абсолютной субъективности [7, с. 345], под которой Гуссерль понимает изначальное поле корреляционных взаимодействий между интенционально психическим и миром.

В итоге мы обнаруживаем изменение трактовок Гуссерлем соотношений между феноменологической психологией и трансцендентальной феноменологией. Если в Идеях I Гуссерль противопоставляет феноменологию как философию и психологию как опытную науку, а в «Амстердамских докладах» и в статье Британики [8] он говорит об эйдетической психологии, которая имеет своим предметом сущностные структуры субъективности, находящейся в естественной установке, в отличие от чистой феноменологии, имеющей своим предметом трансцендентальные условия возможности опыта как такового, то в «Кризисе...» Гуссерль утверждает, «что существует только трансцендентальная психология, тождественная трансцендентальной философии» [7, с. 339].

Но различия между эйдетической психологией и трансцендентальной феноменологией все-таки утверждаются Гуссерлем, правда уже после того, как мы раскрыли свои трансцендентальные истоки и обогащенные этими знаниями возвращаемся на «реальную» почву [Там же, с. 346-347]. Однако, с другой стороны, мы также можем говорить о параллелизме чисто психического и трансцендентального, когда о трансцендентальном конституировании объективного мира мы рассуждаем, находясь в естественной установке. В этом случае чистая психология предстает в виде развертывания внутренних психических процессов, а это выдает ее трансцендентальную наивность [6, с. 168].

Неинтенциональное содержание в составе психического

Следующим важным моментом является то, что не все переживания, обнаруживаемые в потоке сознания, являются интенциональными. Помимо интенциональных переживаний в потоке сознания обнаруживается также неинтенциональное содержание, к которому Гуссерль относит реальные моменты и конкретные части. Эти реальные моменты, являясь переживаниями, не обладают интенцией, направленностью, а значит, не обладают функцией «наделения смыслом» [5, с. 112]. Под реальными моментами Гуссерль понимает «гилетические данные», или данные ощущений. Здесь под вопросом оказывается традиционное понимание сущности психического, ибо традиционно «когда философические психологи говорили о ψυχή психическом, они направляли свой взгляд по преимуществу на то, что вносит сюда интенциональность, тогда как чувственные моменты оставались за телом и деятельностью его органов чувств» [Там же, с. 271].

Следует ли относить ощущения к психическому или нет? Данный вопрос представляется важным. По Гуссерлю, ощущения, не обладая интенциональностью, тем не менее являются «материалом» для оформления интенциональности как таковой. В Идеях I он говорит об интенциональной *μορφή* и сенсуальной *ἔλη* как единой интенциональной структуре [Там же, с. 267]. Поэтому возникает обоснованная необходимость расширить понятие сознания, относя к предмету феноменологической психологии переживания в широком смысле, как интенциональные переживания, так и гилетические данные, являющиеся материальными моментами сознания. В подтверждение этому Гуссерль говорит, что «в потоке феноменологического бытия есть слой материальный и слой поэтический» [Там же, с. 272].

Однако ощущения, как то осязание, обоняние, зрение, слух, вкус, неразрывно связаны с телесностью. Поэтому, если мы говорим о чисто психическом и чисто телесном как об отдельных моментах человеческой субъективности, то имеется в виду только временное методическое их разделение, от которого в дальнейшем следует отказаться. Также если на пути развертывания феноменологической психологии мы приближаемся к трансцендентальной феноменологии и от человеческой субъективности мы переходим к понятию трансцендентальной субъективности, то психические, телесные, а также духовные моменты оказываются неразрывно связанными и имеющими общий исток в трансцендентальной субъективности.

Итак, резюмируя, укажем, что проект феноменологической психологии, предложенный Гуссерлем, имеет ряд особенностей, отличающих его от всех представленных выше вариантов психологии. Во-первых, одним из основных методов феноменологической психологии, кроме дескрипции, является метод редукции. Во-вторых, в результате использования метода редукции мы выделяем особую область феномена сознания, что не позволяет говорить о ней как об объективной науке. В-третьих, феноменологическая психология оказывается, по сути, трансцендентальной феноменологией, так как сознание в своей интенциональной составляющей раскрывает себя как трансцендентальное сознание, т.е. способное «наделять смыслом» все, что выходит за его рамки. В-четвертых, неинтенциональные переживания оказываются основой, на которой конституируются интенциональные переживания. Неинтенциональные переживания представляют собой разнообразные корреляционные связи между миром, другими субъектами и телесностью, проявляющиеся в горизонтной интенциональности и в рецептивности. И это является полем трансцендентальной феноменологии. Поэтому мы придерживаемся взгляда, что феноменологическая психология может быть раскрыта только с трансцендентальных позиций. И это является истоком объективирующей и конституирующей субъективности как таковой. Если же мы находимся в естественной установке, то можем ухватить только отдельные стороны психических явлений. Именно поэтому, на наш взгляд, феноменологическая психология обычно понимается как метод описания конкретных переживаний. Но это является весьма существенным упрощением и редуцированием всего проекта феноменологической психологии и не раскрывает его сути.

Список источников

1. Громов Р. А. Дефиниция и дескрипция у Brentano и Husserl. Языковые игры в феноменологии сознания // Horizon. Феноменологические исследования. 2012. Т. 1. № 1. С. 7-27.
2. Громов Р. А. Проекты дескриптивной психологии в немецкой философии XIX века // Ежегодник по феноменологической философии. 2015. Вып. 4. С. 169-184.
3. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. С. 297-340.
4. Гуссерль Э. Введение к лекциям по феноменологической психологии // Логос. 2014. № 4 (100). С. 187-214.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии: в 3-х кн. / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. Изд-е 2-е. М.: Академический Проект, 2009. Кн. 1. 489 с.
6. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.
7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию) / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2004. 398 с.

8. Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12-21.
9. Куренной В. А. Полемика профессионалов: конкуренция и опровержение исследовательских программ в современной философии // Логос. 2014. № 4. С. 105-146.
10. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / вступ. ст. А. Ф. Зотова. М.: Территория будущего, 2005. 304 с.
11. Наторп П. Философия и психология // Наторп П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2006. С. 25-54.
12. Орлова Ю. О. Интенциональность и рефлексия. Философские проблемы рефлексивного опыта сознания в философии И. Канта и Э. Гуссерля: дисс. ... к. филос. н. СПб., 2006. 197 с.
13. Улановский А. М. Феноменология в психологии и психотерапии: проявление неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 27-51.
14. Шиян А. А. Один путь психологии и куда он ведет // Логос. 2010. № 5 (78). С. 154-165.
15. Шкуратов И. Н. Феноменологический подход в психологии: история и перспективы (по работам Э. Гуссерля): дисс. ... к. филос. н. М., 2002. 180 с.
16. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / пер. с англ. под ред. М. Лебедева, О. Никифорова. М.: Логос, 2002. 680 с.
17. Drüe H. Edmund Husserls System der phänomenologischen Psychologie. Berlin: Walter de Gruyter, 1963. 328 S.
18. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution / hrsg. von M. Biemel. Husserliana IV. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. 426 S.
19. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. 1925 / hrsg. von W. Biemel. Husserliana IX. Den Haag: Mfirtinus Nijhoff, 1968. 336 S.
20. Kern I. Husserl und Kant. Eine Untersuchung über Husserls Verhältnis zu Kant und zum Neukantianismus. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1964. 448 S.
21. Melle U. "Studien zur Struktur des Bewusstseins": Husserls Beitrag zu einer phänomenologischen Psychologie // Feeling and Value, Willing and Action / ed. by M. Ubiali, M. Wehrle. Cham: Springer International Publishing, 2015. S. 3-11.
22. Taguchi Sh. Das Problem des "Ur-Ich" bei Edmund Husserl. Dordrecht: Springer, 2006. 260 S.

REFLECTIONS ON PHENOMENOLOGICAL PSYCHOLOGY

Terent'eva Tat'yana Aleksandrovna

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg
Ariadna_tatyana@mail.ru

The article reveals the content of the notion "phenomenological psychology", which, being the idea of Husserl, has become widespread both among the philosophers of the existential and hermeneutic trend, and among psychologists. The main focus of the work is on the consideration of various levels of the system of phenomenological psychology, as well as on the problem of various interpretations of the notion "phenomenological psychology" by Husserl himself throughout the whole period of his creative work. The author points out that the complexity of the definition of this notion is related to the proximity of phenomenological psychology to transcendental phenomenology, and also to the inclination of Husserl himself to transcendentalism.

Key words and phrases: phenomenological psychology; eidetic psychology; transcendental phenomenology; eidetic reduction; transcendental reduction; intentional experience; hyletical data; absolute subjectivity.

УДК 14.141; 24.241.513

Дата поступления рукописи: 02.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.20>

В статье рассматривается отношение философского и христианского понимания проблемы свободы человека. Исследуется философский смысл христианского учения о свободе воли, его философские основания и религиозные предпосылки. Вскрывается смысловое единство понимания и интерпретации проблемы свободы человека в современном философском и религиозном мировоззрении путем ретроспективного анализа, логического соотношения и рефлексивного сопряжения философских понятий «абсолютное», «Бог», «человек», «воля», «свобода», «совесть», «любовь», «жертва» и соответствующих им религиозных представлений.

Ключевые слова и фразы: абсолютное; Бог; человек; воля; свобода; совесть; любовь; жертва.

Хомелев Геннадий Владимирович, д. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
homelev@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ О СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Отношение философского и христианского понимания проблемы свободы человека, поиск возможных граней соприкосновения и общей интерпретации является сегодня, несомненно, одной из актуальных проблем, затрагивающих основы современного мировоззрения. Что такое свобода человека в христианском миропонимании?